

Козлов Сергей Викторович

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ПЕРСОНАЖА

Статья раскрывает содержание понятия "литературная антропология", получающего всё более широкое применение в филологии. Основное внимание автор акцентирует на аспектах филологического анализа и философско-герменевтической интерпретации литературного героя, предлагает методику рассмотрения структуры персонажа в диалектическом единстве аксиологической, психологической и телесно-вещественной сфер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 92-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Образцов П. И., Иванова О. Ю.** Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие / под ред. П. И. Образцова. Орел: Изд-во ОГУ, 2005. 114 с.
2. **Салтовская Г. Н.** Модульная технология обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2007. № 7. С. 7-11.
3. **Цыбанева В. А.** Модульное обучение иноязычной аудитивной компетенции студентов-лингвистов: английский язык как второй иностранный: дисс. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2009. 185 с.

**THEORETICAL-METHODOLOGICAL FRAMEWORK OF DEVELOPING MODULAR SYSTEM
OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO TECHNICAL HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT STUDENTS
(PART 2)**

Kovaleva Yuliya Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy
National Research Tomsk Polytechnic University
yulia_kovalyova@tpu.ru

The author continues considering the conceptual framework of developing the modular system of teaching a foreign language to technical higher education establishment students, describes its structure and constituent components, and formulates the fundamental differences of the developed system of modular teaching from the traditional system of teaching a foreign language at technical higher education establishment.

Key words and phrases: foreign language communicative-cultural competence; modular system of foreign language teaching; programme of modular system of foreign language teaching; students' individual work on foreign language; monitoring model in conditions of modular teaching.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «литературная антропология», получающего всё более широкое применение в филологии. Основное внимание автор акцентирует на аспектах филологического анализа и философско-герменевтической интерпретации литературного героя, предлагает методику рассмотрения структуры персонажа в диалектическом единстве аксиологической, психологической и телесно-вещественной сфер.

Ключевые слова и фразы: теория литературы; литературная антропология; литературная критика; художественная концепция человека; литературный герой; персонаж; анализ; герменевтика; интерпретация; символ.

Козлов Сергей Викторович, к. филол. н., доцент
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
kozlov-narfu2012@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ПЕРСОНАЖА ©

В статье рассматриваются методические аспекты вузовского изучения категории «образ человека в литературе» (курс «Теория литературы») ¹.

С. С. Аверинцев постулировал, что филология обладает правом и обязанностью вбирать в свой кругозор всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного; ей «принадлежит весь человеческий мир, но мир, организованный вокруг текста и увиденный через текст» [2, с. 973].

Во вступительной статье к энциклопедии «Современное зарубежное литературоведение» Е. А. Цурганова отметила, что «литературно-критические школы и направления различаются по своей приверженности к одному из двух типов построения теоретических концепций – сциентистскому или антропологическому» [38, с. 4-5]. Первое направление ориентируется на неопозитивистские доктрины, стремится придать своим концепциям форму точной науки и исключить из сферы рассмотрения мировоззренческие и социально-нравственные проблемы ². Второе, герменевтико-феноменологическое направление, на первый план выдвигает категории «интерпретация», «понимание», «ценность».

По нашему мнению, непротиворечивое сочетание «физики» с «метафизикой», научного с «инонаучным» (по слову С. С. Аверинцева [1, с. 828]), скрупулёзного анализа текста с философской интерпретацией сотворённого писателем человеческого бытия может осуществляться филологической антропологией.

© Козлов С. В., 2013

¹ «Пилотное» рассмотрение проблем литературной антропологии и структуры литературного героя было осуществлено в нашей статье «Анализ образа-персонажа в курсе «Введение в литературоведение»» (1998) [19, с. 152-162].

² М. Л. Гаспаров утверждал, что «душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки» [11, с. 112]. Филологическое исследование, по его мнению, – это строгий комментарий, который должен не творчески осложнять картину мира, а упрощать её, «систематизируя и упорядочивая старые ценности» [10, с. 8].

Антропологический подход предполагает «стереоскопическое» осмысление, «разноаспектное изучение образов-персонажей, которые являются результатом фантазийного воссоздания человека в авторском мире и в поэтике конкретных текстов» [31, с. 8-9], постижение «человека литературного» в его телесно-духовном составе и внешне-внутреннем поведенческом разнообразии [Там же, с. 10-26].

Речь идёт о *художественной, литературной* антропологии (об явленной в произведениях писателя концепции человека) и о *филологической, литературоведческой* антропологии¹ – стратегиях и методах «прочтения» (анализа и интерпретации) образа героя².

Библиотека «литературно-антропологического проекта» постоянно и активно пополняется, она содержит труды Д. С. Лихачева [22], Л. Я. Гинзбург [13; 14], В. М. Марковича [25], М. М. Бахтина [5], С. Г. Бочарова [7], В. Н. Топорова [33], В. П. Зинченко [15], В. В. Савельевой [31], Б. Т. Удодова [35] и др. Интенсивность разработки темы в последнее время возрастает, о чём свидетельствуют многочисленные публикации по вопросам филологической антропологии.

Аналитический аппарат литературоведческой антропологии находится в состоянии активного конфигурирования, что predetermined, с одной стороны, междисциплинарностью антропологического знания³, с другой – парадигмальным «сдвигом» гуманитаристики в начале третьего тысячелетия.

Понятие «литературоведческая антропология» представляется «зонтичным», соединяющим терминологию теоретической поэтики с категориями «идейного содержания» (совокупностью концептов, активирующихся при описании социально-духовной и эмоционально-психологической жизни героя).

Если понимать литературную антропологию как интеграл «духовного – психологического – телесного», то такие научные проекты, как «концепция личности героя», «литературная характерология», «психологический анализ», «внутренний/внешний человек» в литературе, «внутренний мир героя», «типическое» в литературе, «типология героев», «экзистенциальное сознание» героя, «художественная персоналогия», «концептосфера _человек_», «персоносфера», «антропологическая поэтика», «биоэстетика», «персональный дискурс», «персонажные концепты», «антропологические аспекты поэтики» и пр. могут быть рассмотрены как частные аспекты более общей – литературно-антропологической – темы⁴.

Предлагаемая нами модель литературно-антропологического анализа методологически согласуется, прежде всего, с филолософско-эстетической герменевтикой, феноменологией литературы⁵, «риторикой художественного текста»⁶, «поэтической антропологией»⁷, «онтологической поэтикой» [18], концепцией «космо-психологоса» [12], устанавливающими многомерный, тотальный охват художественной реальности человека.

По мысли В. Е. Хализева, в своём обращении к «вечным темам» искусство слова оказывается близким и учениям о природе человека (антропологии), и онтологически ориентированной философии [37, с. 43]. Б. Т. Удодов видел русскую классику как «художественную антропологию, долгое время питающую, а во многом и восполняющую русскую философскую антропологию XIX-XX вв.» [35, с. 17].

В «Кратких заметках о философском в его отношении к филологическому» А. М. Пятигорский определил: «Сейчас философу самое время подумать о филологии. Если философия первой половины века в основном была (и во многом остается пока) лингвистической, то философия второй половины века становится (и ещё долго будет) по существу филологической. <...> Напомним, что, с точки зрения лингвиста, текст – это язык, а с точки зрения филолога, язык – это текст» [27, с. 127].

¹ Термины «художественная антропология», «поэтическая антропология» первым системно применил С. Г. Бочаров в «филологической» статье «Загадка –Носа» и тайна лица» [7, с. 126, 140, 158-160]. Один из последних опытов по литературной «носологии» – работа Т. П. Савченковой [32, с. 141-144].

² Например, в параметрах «рецептивной эстетики». Одна из программных работ этой научной школы – «К антропологии художественной литературы» В. Изера [16, с. 7-21].

³ Литературная антропология ориентирована на междисциплинарное научно-философское пространство, коррелируясь с антропологией философской, эстетической, религиозной, психологической, культурной, исторической, социальной, когнитивной, лингвистической, герменевтической, художественной (театральной, визуальной, медийной, «поэтической» и др.), педагогической, моральной, политической, юридической, физической (биологической и эволюционной), этнологической, географической, гендерной, экономической, экологической, маргинальной, метаантропологией, антропологией капитала и т.д. Обосновывая проект «поэтической антропологии», В. П. Зинченко иронизировал по поводу «антропологического ренессанса» конца XX века: «Сейчас вегетативным способом размножается когда-то скромная, но интересная и полезная наука антропология. Многие науки хотят, чтобы в центре их интересов стоял человек. Легче всего выполнить это желание, не поставив в центр человека, а изменив название науки» [15, с. 40].

⁴ Термин входит в терминологический ряд «художественная концепция человека», «образ человека в литературе», «образ-персонаж», «литературный герой», является гиперонимом для понятий «действующее лицо», «литературное амплуа», «персонаж-маска», «литературный характер», «характер-тип», «литературный тип», «типаж», «социально-моральный тип», «характер-личность», «герой времени», «литературный психологизм», «психоидеология», «протагонист/антагонист», «лирический герой», «образ автора», «образ читателя», «ауктор/актор» и др.

⁵ Феноменология располагает такими исследовательскими средствами, как выявление интенциональности, ноэтико-ноэстетические процедуры (сопрягающие естественное, эйдетическое и трансцендентальное), феноменологическая редукция и др. Диалектико-феноменологический метод разрабатывал и впечатляюще мощно применял А. Ф. Лосев [23].

⁶ Согласно М. Н. Макеевой, «риторика художественного текста» – поэтика, обращенная к «вечным» концептам человеческого бытия [24].

⁷ «Поэтическая антропология» озабочена в первую очередь «проблемами духа, души, смысла человеческого бытия. Это соответствует интересу поэзии к «вечному» человеку, к его земной и духовной, божественной судьбе» [15, с. 41].

В настоящее время литературоведение «перестает быть только наукой о литературе и превращается в своеобразный способ современного философского мышления» [17, с. 100]¹. Во всяком случае, «в последние десятилетия интенсивно самоутверждается амальгама *философия-литература, философия-как-литература*», – читаем в статье «Философия и литература: современный дискурс» А. С. Колесникова [21, с. 33].

Впрочем, философская мысль, в том числе российская, всегда и достаточно настойчиво обращалась к литературной классике, формируя особый вектор своего творчества – философско-эстетическую критику. Во вступительной статье к антологии «Пушкин в русской философской критике» Р. А. Гальцева указала на антропологическую целенаправленность русской философской мысли, занятой «не столько методологическими и отвлеченными проблемами безличной субстанции, сколько смыслом личной и сверхличной экзистенции... это – экзистенциальная метафизика» [9, с. 6].

Методологическое поле филологической науки необходимо нуждается в горизонте духовно-философской рефлексии. Помнить об их постоянной соотнесенности полезно, поскольку в литературе речь идет о месте человека в мире, об онто-гносеологическом статусе и смысле человеческого бытия, о самосознании личности, о проблеме «я/иное», о добре и зле, о свободе. А здесь без выхода на уровень предельных, «метафизических» обобщений не обойтись.

В известной работе Ю. Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» [4, с. 37-67] общая схема лексикографического «устройства человека» представлена в виде восьми «основных систем»: 1) физическое восприятие; 2) ощущения; 3) физиологические реакции на внешние и внутренние воздействия (холод, жар, пот, сердцебиение и т.п.); 4) физические действия и деятельность; 5) желания: простейшие, связанные с удовлетворением физиологических потребностей, локализируются в теле; «культурные» желания, связанные с удовлетворением идеальных потребностей, – в *душе* (последние, составляющие большинство, реализуются с помощью *воли*, деятельность которой корректируется *совестью*); 6) интеллектуальная деятельность и ментальные состояния; 7) эмоции: низшие, общие для человека и животного (страх, ярость, удовольствие), высшие, свойственные только человеку (надежда, стыд, восхищение, чувство вины); 8) речь. Каждая система взаимодействует с другими и внутренне иерархична (подсистемы, классы и подклассы) [Там же, с. 42-43].

Данный перечень структурно складывается в два уровня – физиологический (п. 1-4) и психологический (п. 5-8). Духовно-аксиологическая составляющая редуцирована до пунктов «желания» (п. 5: душа, совесть) и эмоций (п. 7). Наша позиция состоит в том, что изложенная теория может быть дополнена и усилена аксиологическим «кластером».

Выявленные Ю. Д. Апресяном лингвокогнитивные параметры актуальны для филологической антропологии и семиотики. В этом случае они оказываются частью описания идейно-художественного мира, где существенное значение имеет духовно-нравственная «идеография» персонажа. В литературоведческой антропологии они согласуются с родо-жанровыми амплуа, системой образов, композиционным форматом текста-произведения и персонажа, культурно-исторической (коммуникативной) спецификой бытования и рецепции произведения и пр.

Мы разделяем мнение А. Н. Андреева о том, что в литературных персонажах достаточно отчетливо вырисовываются три уровня (взаимосвязанных, но несводимых один к другому): «уровень *телесный*, являющийся сферой первичных биологических влечений», «уровень *душевный, психологический*» и «уровень *духовный, собственно человеческий*» [3, с. 12-13, 84].

Ниже будут уточнены и концептивно представлены эти позиции применительно к плану анализа персонажа в курсе теории литературы.

1. Духовно-аксиологическая сфера литературного героя.

Ядром мировоззрения человека является система духовных ценностей. Она центрирует аксиологический кругозор писателя и его героев. Для русской литературной традиции повышено значимой являлась аксиологическая антиномия «действительное (несовершенное) / идеально-желаемое (совершенное)» [20]. Она определяла идейно-нравственную направленность личности героев Гоголя, Достоевского, Толстого и др.: или поиски возвышенного смысла жизни, или стремление к «материальным», сугубо «проприетарным» ценностям (и, как следствие, обывательщина, пошлость, «пустота» в атрибутике «обыкновенных историй»).

Структура духовной сферы:

- религиозная аксиология;
- социально-политические, гражданские, идеологические взгляды и убеждения;
- патриотические, национально-культурные идеалы;
- этика (гуманность, свобода, эгоизм/альтруизм, совесть и др.) Нравственные идеалы и нормы представляются центральными в духовной жизни литературного героя.

2. Психологическая структура литературного героя:

- интеллектуальная сфера, сознание – совокупность умственных качеств персонажа. Память, биографический опыт. Область «бессознательного» («оборотная сторона» сознания, обладающая своей, особой

¹ Думается, в один из способов, поскольку «филологизация» и «олитературирование» затрагивают лишь некоторую часть философского дискурса, вовсе не подчиняя его себе в целом. «У филологии свой предмет – это конкретные тексты. У филологической философии» свой предмет – это мир как текст (или что угодно как текст). У философии своего предмета нет, поскольку её объект – мышление – может своим объектом иметь всё что угодно», – подчёркивал А. М. Пятигорский [27, с. 130]. Уровень сущностной рефлексии не требует обследования конкретного материала и форм текстуального воплощения «мысли о человеке» (в отличие от частнонаучного знания, например, филологического).

«грамматикой»); формы экспликации, художественного осмысления «глубинной психологии» героя. Существенно, что литературный текст даёт возможность наблюдать за самосознанием человека (научно-объективными средствами не «схватываемым»). Художественная словесность представляет богатый материал для обследования авторской и персонажной картин мира (миропредставления и миропонимания);

- эмоционально-психологическая сфера: эмоции, чувства, переживания, настроения, аффекты, страсти героя;
- волевые, деятельностно-коммуникативные качества характера героя;
- эстетические качества: «вкус» (чувство красоты), воображение, художественные способности (одаренность, талант, гениальность).

Каково соотношение «метафизики» и «психофизики», какова диспозиция «души» («личности», «самости») относительно психической структуры индивида? «Душа» непространственна и нефизична, она не столько «состоит» из чего-то, сколько его холистически объединяет; единство личности «трансгредиентно» психологическому строению. Это не некоторая конгломерированная сумма свойств и состояний, но «символическая форма», бытийствующая в диалогической динамике жизни временной и жизни вечной.

3. Сфера телесности, вещественности.

Думается, «телесность» – термин, приемлемо центрирующий человеческий «микрокосм», собирающий вместе разнородные «стихии», вещества, предметы и процессы в едином жизненном пространстве героя.

За аналитически рассматриваемой аксиологией полагается метафизика «духа», за дескриптивной психологией – метафизика «души». За человеческой плотью, неотделимо слитой с природой, бытом и социокультурной «атмосферой», пред-полагается «софийная телесность» (С. Н. Булгаков [8, с. 249-258, 370-389]), целостное «феноменологическое тело» (М. Мерло-Понти [26, с. 88-93])¹.

И «дух», и «душа», и «софийная телесность» героя пребывают в целокупной образно-символической реальности художественной вселенной писателя². Или – не пребывают...

В тематической группе «телесность» сосредоточен наиболее востребованный литературоведением – словесно-образный – материал.

С известной долей условности литературно-образная «телесность» может быть распределена по четырём группам: портрет (тело), пейзаж (природа), интерьерные и экстерьерные образы (бытовая обстановка и социокультурная среда), языковой портрет героя (голос и письмо).

1. *Портрет*, словесное изображение «социальной» телесности, «внешнего человека».

«Топос тела» как форма художественной репрезентации антропологического типа пространства [30].

Литературные фиксации физических (телесных) и психосоматических особенностей героя (героини): возраст, темперамент, состояние здоровья, особенности восприятия мира (сенсорика, перцепции), задатки и способности и т.д. Описательно-портретирующие характеристики, прямая и непрямая номинация состояний и потребностей организма (жажда, голод, утомление, сон, боль и др.) Литературная физиогномика и психофизика. Пантомимика, мимика, кинесика, окулесика, гаптика, аускультация (например, тембр, тон голоса, интонация и синтаксис), одорика, гастика и пр.

2. *Пейзаж* как образ природного мира, соотносённого с образом человека. Литературная «натурфилософия» и «геософия» ландшафта. Система пейзажных образов в прозе и поэзии. Пейзажные топосы (например, идиллический) в истории литературных природоописаний.

3. *Культурно-бытовая среда*. Интерьерные и экстерьерные образы. Предметно-бытовая живопись в системе средств раскрытия характера и социально-нравственной характеристики героя. Архетип «Дома». Символика бытовой сферы. Литературный усадебный экстерьер («патио», локальный культурный ландшафт) – внешний вид, архитектура и декор зданий, окружающее их пространство (двор, хозяйственные постройки, деревья, животные и пр.) Ландшафтная этнография и экзотика в литературе.

Цивилизационно-технологическое обустройство человеческого существования. Антропоморфность художественно-языкового осмысления «хозяйственной» среды эпохи³. Художественная историософия вещей.

А. П. Чудаков утверждал, что если в слова «мир писателя» вкладывать терминологическое содержание, то их следует понимать как «оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов, запечатлённое словесно» [39, с. 3]. Художественно-антропологическое познание, по А. Н. Андрееву, – это «познание мира как среды обитания личности, познание через личность, ради личности и средствами, присущими личности» [3, с. 21].

4. *Язык* как материя смысла. Язык и речь в семантических, синтаксических и прагма-коммуникативных измерениях (содержание, форма и речевое функционирование).

«Телесность языка» – система вербально-символических знаков, фиксирующих, запечатлевающих душевно-духовную жизнь героя. Языковой портрет героя.

В художественном образе человека, как и в реальной жизни, мировоззренческие, психологические и «вещественные» аспекты находятся в континуальной слитности, «взаимопроницаемости». При анализе произведения они необходимо дифференцируются.

¹ Проблема представляется в разных научно-философских перспективах «философией жизни», психоанализом, мифо-критикой, русской софиологией, феноменологией, постмодернистской философией «новой телесности».

² Н. М. Эпштейн предложил называть «физиософией» или «соматософией» всю область суждений о человеческом теле как «высшем органе космической жизни и о его меняющихся духовно-культурных смыслах» [40, с. 14].

³ На основе «антропометрического принципа» производится тропеическая репрезентация экономических понятий, их антропоморфизация и аксиологизация [6].

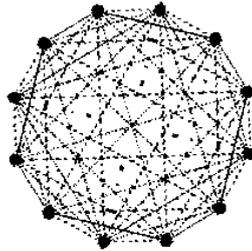
Полагаем, что в учебно-методических целях целесообразно когнитивно картографировать концепт ‘человек’, представить его в виде графического интерфейса, состоящего из трёх статичных «слайдов»: «аксиология – психология – телесность». Каждый из них визуализируется как четырёхугольная конструкция.

I. Аксиология, духовно-аксиологическая сфера: 1) религиозные; 2) социально-политические; 3) патриотические и 4) нравственные ценности.

II. Психология: 1) интеллект (сознание), самосознание, память и литературно высвечиваемое и комментируемое «бессознательное»; 2) эмоционально-психологический мир; 3) волевые; 4) эстетические качества.

III. Область телесности, вещественности: 1) портрет (прежде всего внешность); 2) пейзаж (природа); 3) интерьер/экстерьер (бытовая обстановка и социокультурная среда); 4) языковой портрет героя (голос и письмо).

При наложении «четырёхугольников» получается некоторая единая структура – звёздоподобная конструкция с двенадцатью вершинами, в дискретной математике и теории семантических сетей называемая «графом» (в нашем случае это «полный граф K12:66»).

В пространстве данной модели любая вершина соотносится с другими вершинами (узлами) множеством связей: сильных/слабых, однонаправленных/разнонаправленных, прямых/бриколажных и пр.

Если представлять образ литературного героя в виде двухслойной сетевой структуры, то её нижним слоем будет текстуальный, словесно-образный материал, рассыпанный на страницах книги. В верхнем (см. рисунок), топологическом, слое располагаются вершины – отобранные нами базовые понятия (терминологический тезаурус), а также отношения (рёбра, дуги) между ними. Данная семантическая сеть (‘литературная антропология’) – каркас понятий, упорядочивающий семантику интересующей нас предметной области.

Приведённая выше «квадратура круга» выводит на принцип «всё в меру», на горацанское правило «золотой середины». Однако в реальности, в том числе литературной, такой идеальной геометрической гармонии вовсе не бывает, какие-то лучи «двенадцатиугольной звезды»¹ сильно выступают за её пределы, какие-то ослаблены или вовсе (лакунарно) отсутствуют.

Когнитивные карты героев интересны их конфигурацией относительно принятой нами антропосхемы, то есть определением того, какие концепты актуальны для героя, а какие – нет.

Например, в социал-дарвинистской концепции человека, которую утверждал Евгений Базаров («Отцы и дети» И. С. Тургенева), активизированы «этика индивидуализма», «интеллект», «воля», «здоровое тело» плюс «современные технологии» (естествознание). Всё остальное научно неverifiedируемо, стало быть – ложно. Вспомним: «гляжу в небо только тогда, когда хочу чихнуть», «романтизм, чепуха, гниль, художество», «природа не храм, а мастерская» и т.п. [34, с. 34, 43, 123]. Идеологические «принципы», будь то английский либерализм или французский социализм, ему равно неинтересны, поскольку ненаучны. Реальная полнота базаровской «додекаграммы» как бы уходит в фон, в его концепции «настоящего человека» важны, интенсивно прорисованы и резко удлинены лишь 5 лучей.

В образах «старых романтиков», «отцов», ошутима аксиологическая романтика, эмоциональность, чуткость к художественному... Короче, если пройтись по всем отмеченным нами параметрам, получится, что у Базарова имеется ровно то, чего недостаёт Кирсановым, и наоборот. Вот и ответ на вопрос о проблематике романа И. С. Тургенева: «неполнота» каждого из конфликтующих поколений и «недостаточность» их «мысли о человеке». Исторически так всегда: «физики и лирики», «победители и побеждённые» и пр. Иван Тургенев, «романтик в реалистах», обращает наше внимание на экзистенциальное несовершенство человека, на фатальную невозможность реализации потенциально данной ему все-человечности.

Представленный здесь дидактический «интерфейс» предназначен для систематизации знаний, получаемых студентами при аналитическом комментировании «персонажных концептов» произведения. Разумеется, и набор, и группировка когнитивных классификаторов могут быть иными, в зависимости от персональной исследовательской позиции преподавателя или студента. Соответственно и способы представления теоретической модели могут быть другими (в виде древовидных структур, фреймовых иерархий, диаграмм и пр.)

В пределах данной статьи представлена структурно-антропологическая модель персонажа. Антропология сюжета, концепт ‘человек действующий’, функционально-коммуникативное измерение героя литературы требуют отдельного обсуждения.

Если мы рассматриваем содержательные аспекты образа героя, то должны обратить внимание на следующее:

- зависимость литературно-антропологического «портретирования» от культурно-исторической эпистемы, от художественного направления и пр., с которыми связано творчество автора (в разных национально-

¹ Речь идёт о «когнитивной графике», а не о «сакральной геометрии» (эриграммах, мандалах, янтрах и пр.).

исторических и литературных парадигмах, контекстах наличествуют качественно разные представления, например, о «внешнем/внутреннем» человеке);

- воздействие литературных и внелитературных традиций на художественное изображение человека (интертекстуальный фон и архетипика героя);

- влияние жанровой памяти, жанрово-родовой семантики, синтактики и прагматики на формируемый писателем образ мира и человека;

- выражение в художественной антропологии писателя его «философии жизни», его духовно-творческих интенций;

- художественная артикуляция (продуцирование, сублимация) биографического опыта автора, его психологического склада (в том числе творческого) в образах главных и второстепенных героев, в персонажах-обстоятельствах и персонажах-упоминаниях;

- экспликация в герое идейного содержания произведения (общей тематики и проблематики, художественного конфликта, идейно-оценочных и эмоционально-экспрессивных планов);

- местоположение героя в сюжетно-событийной и персонажной системе, в других образно-тематических полях произведения (социально-историческом, пейзажном, интерьерном, связанном с «образом автора» и «образом читателя»);

- присутствие/отсутствие в тексте биографической информации о герое (его экспозиционная предыстория и постфабульная судьба);

- соотношение типичного и индивидуально-неповторимого в персонаже, его принадлежность к тому или иному «вечному» типу, национально-психологическому или социально-историческому, сословному типу (часто к нескольким);

- архитектура образа-персонажа (рассматриваемая с использованием как комплекса аналитических средств литературоведения, так и методик лингвистического анализа текста, семиотики, неориторики, когнитологии и др.);

- идиостилевое своеобразие текстовой антропологии: писательский лексикон и тезаурус, семантические фигуры (тропы) и синтаксические фигуры как средства построения образа героя; композиционно-речевые формы; речевая характеристика;

- трансформация «границ» и структуры героя в ходе работы писателя над текстом (текстологические версии персонажа).

Понимание образа-персонажа вряд ли будет достаточно полным без обращения к литературной критике, без сопоставления различных, часто взаимоисключающих мнений. И литературная современность, и литературная классика постоянно инициируют новые, оригинальные, неожиданные прочтения, поскольку постоянно изменяются культурно-исторические и психологические качества читательской рецепции¹.

Не можем не согласиться с И. Б. Роднянской, отметившей, что принципиальной границы между «научным» литературоведением и литературно-критической деятельностью не существует [28, с. 7-9]. Задача экспертного чтения, в том числе и искусство критического «перечитывания классики», заключена в герменевтике и экзегезе художественного произведения, в выявлении того, «как через пластическую фактуру вещи дает о себе знать духовная мотивация художника» [29, с. 67-68].

Литературоведение занято и «значениями», и «смыслами». Литературоведческая деятельность протекает и в пространстве аналитико-филологического знания, и в герменевтическом пространстве понимания, вступления в диалог с «иным», парадоксальным, иррациональным, антиномичным человеческим бытием.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Символ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6. С. 826-831.
2. **Аверинцев С. С.** Филология // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 7. С. 973-979.
3. **Андреев А. Н.** Целостный анализ литературного произведения: учебное пособие для студентов вузов. Мн.: НМЦентр, 1995. 144 с.
4. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
5. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-180.
6. **Бородулина Н. Ю.** Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа. Тамбов: Грамота, 2007. 184 с.
7. **Бочаров С. Г.** О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.
8. **Булгаков С. Н.** Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. Сергиев Посад: Тип. А. Иванова, 1917. 417 с.
9. **Гальцева Р. А.** По следам гения // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 5-12.
10. **Гаспаров М. Л.** История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 8-10.
11. **Гаспаров М. Л.** Критика как самоцель // Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: НЛЮ, 2001. С. 109-112.

¹ В символических исследованиях этот момент получил необходимое разъяснение: бесконечное многообразие символизирующих интерпретаций обусловлено «исторически подвижной локализацией позиции наблюдателя» [36, с. 20].

12. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс – Культура, 1994. 480 с.
13. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 221 с.
14. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 463 с.
15. Зинченко В. П. Прологомены к поэтической антропологии // Зинченко В. П. Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили: к началу органической психологии. М.: Новая школа, 1997. С. 40-102.
16. Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (96). С. 7-21.
17. Ильин И. П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение. М.: Интрада, 1999. С. 97-104.
18. Карасёв Л. В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 399 с.
19. Козлов С. В. Анализ образа-персонажа в курсе «Введение в литературоведение» // Проблемы культуры, языка, воспитания / отв. ред. С. В. Козлов. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 152–162.
20. Козлов С. В. Структура духовной сферы героев Л. Н. Толстого: А. Болконский и П. Безухов // *Res philologica*: ученые записки. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. Вып. 5. С. 208-214.
21. Колесников А. С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. СПб.: СПбФО, 2000. С. 8-36.
22. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.
23. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
24. Макеева М. Н. Риторическая программа художественного текста как условие использования рациональных герменевтических техник в диалоге «текст – читатель». Тамбов: ТГТУ, 1999. 134 с.
25. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 152 с.
26. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 606 с.
27. Пятигорский А. М. Краткие заметки о философском в его отношении к филологическому // *Philologica*. 1995. № 3/4. С. 127-130.
28. Роднянская И. Б. Движение литературы: в 2 т. М.: Знак; Языки славянских культур, 2006. Т. 1. 711 с.
29. Роднянская И. Б. О себе и о времени: анкета литературоведов и критиков // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 65-71.
30. Рябцева Н. Е. Топос тела в современной женской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 151-153.
31. Савельева В. В. Художественная антропология. Алмааты: АГУ им. Абая, 1999. 281 с.
32. Савченкова Т. П. Русская романтическая антропология 1830-х гг. и стихотворение П. П. Ершова «Нос» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23). Ч. I. С. 141-144.
33. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе: апология Плюшкина // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 7-111.
34. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 5-188.
35. Удодов Б. Т. Пушкин: художественная антропология. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 302 с.
36. Фадеева Т. М. Образ и символ. М.: Новалис, 2004. 254 с.
37. Хализев В. Е. Теория литературы: уч. пособ. М.: Высш. шк., 1999. 397 с.
38. Цурганова Е. А. Введение // Современное зарубежное литературоведение: страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины: энциклопедич. справочник. Изд-е 2-е. М.: Интрада, 1999. С. 3-11.
39. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 381 с.
40. Эпштейн М. Н. Философия тела. Тульчинский Г. Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

LITERARY ANTHROPOLOGY AND POETICS OF CHARACTER

Kozlov Sergei Viktorovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
 kozlov-narfu2012@yandex.ru

The author reveals the content of the notion “literary anthropology”, which is becoming more widely used in philology, pays attention to the aspects of philological analysis, philosophical and hermeneutical interpretation of a literary hero, and suggests the methods of considering character’s structure in the dialectical unity of axiological, psychological and corporal-material spheres.

Key words and phrases: theory of literature; literary anthropology; literary criticism; artistic conception of human; literary hero; character; analysis; hermeneutics; interpretation; symbol.